

Философия

Проблемы XXI века

DOI: 10.18721/JHSS.8304

УДК 122:930.85:316.6

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ТЕХНИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.В. Аладышкин, А.С. Сафонова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена вопросу изменения характера понимания технической действительности в условиях глобального общества. Целью ее является рассмотрение современного дискурса техники, который вышел далеко за рамки собственно техногенной или производственной областей. В основе работы – обращение к истории развития техники, техноэволюции, а также изучение изменения представлений о технике, ее сущности и значении. Авторы статьи опираются на классические труды западных мыслителей о технике, а также на исследования современных отечественных историков и философов техники. При раскрытии темы использован системный подход: техника рассматривается как компонент единой технической системы, являющейся частью более общего универсума с его объективными законами. Авторы приходят к выводу о том, что глобализационные процессы второй половины XX в. связаны в первую очередь с технико-технологическим развитием человечества, влекущим за собой формирование единой мировой сетевой рыночной экономики и социокультурные трансформации.

Ключевые слова: техника; техническая действительность; техноэволюция; техноведение; дискурс техники; глобализация

Ссылка при цитировании: Аладышкин И.В., Сафонова А.С. Переосмысление феномена техники в эпоху глобализации // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 37–48. DOI: 10.18721/JHSS.8304

RETHINKING THE PHENOMENON OF TECHNOLOGY IN THE ERA OF GLOBALIZATION

I.V. Aladyshkin, A.S. Safonova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to changing the nature of understanding of technical reality in a global society. The aim is to consider the modern discourse of technology, which went far beyond the actual technogenic or production areas. The work is an appeal to the history of the development of technology, evolution of technology, as well as a change in

ideas about technology, its essence and meaning. The study is based on classical works of Western thinkers on technology, as well as studies of modern Russian historians and technology philosophers. In exploring the subject, we have used a systematic approach, which regards technology as a component of a single technical system that is part of a more general universe with its objective laws. We have come to the conclusion that the globalization processes of the second half of the twentieth century are primarily related to the technological and technological development of mankind, which entails the formation of a single world-wide network market economy, social and cultural transformations.

Keywords: technology; technological reality; evolution of technology; technical studies; discourse of technology; globalization

Citation: I.V. Aladyshkin, A.S. Safonova, Rethinking the phenomenon of technology in the era of globalization, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 37–48. DOI: 10.18721/JHSS.8304

Введение

Глобальная техника, мир второй природы, техносфера, глобальная техногенная среда и не менее глобальное техногенное общество... Этот ряд глобальных измерений технической действительности нетрудно продолжить, обратившись к исследованиям конца XX – начала XXI в. Современный дискурс техники выводит последнюю не только за рамки техногенной или производственной областей, но привычно придает ей глобальный характер. Подобное расширение мира техники и технологий задавалось еще в работах тех мыслителей, которые обращались к феномену техники в первые десятилетия прошлого века (П.К. Энгельмейер, Ф. Дессауэр, К. Ясперс, О. Шпенглер). Однако в широкий научный обиход глобальные измерения техники вошли позже, в послевоенный период. Но тогда, как отмечает А.В. Рыбчак, «исследования технологических аспектов глобализируемого общества... носили специализированный „отраслевой” статус» [1, с. 216].

Фиксация новых аспектов технической реальности происходила на волне первых успехов научно-технической революции (НТР) и повышенного внимания к технико-технологической составляющей социокультурных трансформаций [2, с. 8–9]. Дискуссии о технике 1960–70-х гг. с перегибами техноутопизма, крайностями эмоционально-психологического переживания возрастания социальной роли техники закономерно оборачивались гипертрофией техногенных процессов [3, с. 181]. Фу-

турологи и философы, социологи и историки буквально соперничали в расширении представлений о технике, приходя к выводам, схожим с прозрениями популярного среди отечественных исследователей Ж. Эллюля [4], утверждавшего, что техника сама становится средой в самом полном смысле этого слова и окружает нас как «сплошной кокон без просветов». Пределы в расширении технико-технологических масштабов задавали эволюционные и социоприродные варианты трактовки техники, в которых она подчас выводилась за пределы антропологических параметров и выступала своего рода универсальной формой процессуальности и последовательности изменений. Здесь вспоминаются самые разные авторы – от футурологов (например, С. Лем и его «Сумма технологий») и до историков (представители так называемой «Большой...», или «Универсальной истории»: Д. Кристиан, Ф. Спир, Дж. Даймонд и др. [5]).

В отечественном техноведении к глобальным параметрам оценки техники, если не считать П.К. Энгельмейера, Н.А. Бердяева и некоторых других мыслителей начала прошлого века, обратились лишь в 1960–70-х гг. Но возросшее на фоне угроз холодной войны и завоеваний НТР стремление переосмыслить масштабы технической действительности сдерживалось идеологически выверенными инструментально-орудийными исследовательскими моделями, господствовавшими в советском техноведении. Ситуация качественно изменилась лишь в 1980–90-х гг., особенно в связи

с участвовавшими дискуссиями вокруг глобализации на исходе тысячелетия. Набирала популярность естественно-научная парадигма осмысления техники, полагающая ее особым природным явлением с некими абстрактно-всеобщими законами развития [6]. Так, заметный резонанс в новой России получила концепция техноэволюции Б.И. Кудрина, именуемая «технетикой» [См.: 7, с. 123]. В результате представления о мире техники и технологий как о глобальной, единой и цельной, всепроникающей технико-технологической системе становились обиходным материалом анализа феномена техники. В последние десятилетия складываются соответствующие научные направления и школы, например Брянская научно-философская школа социоприродных исследований формирования глобального техногенного общества и техносферы [8, с. 40; 9].

К глобальным параметрам оценки техники подталкивал и общий парадигмальный сдвиг от редуционистских моделей репрезентации техники к холистическому, целостному ее восприятию в качестве объективно целого мира техники и технологии. Свою роль сыграла и широкая популярность среди техниковедов порой предельно туманных положений синергетики и не менее пространственных доводов глобального эволюционизма.

Постановка проблемы и цели исследования

Фиксация изменений характера понимания технической действительности с форсированным освоением наработок западных исследователей, реабилитацией наследия тех отечественных мыслителей, которые оказались на периферии советского техноведения, перемежалась с обостренным переживанием темпов и результатов технологического роста и размыванием проблемного поля техники в социокультурных контекстах новых аналитических моделей. Эти порой хаотично реализуемые тенденции в изменении техноведения скрывали непосредственные основания глобальных параметров оценки техники, что принималось как данность, не требующая аргументации. Однако на поверку декларируемые масштабы нередко воспроизводили штампы и общие места оценки техники последних десятилетий, оказывающиеся недостаточными для уяснения тех интеллектуальных условий, в которых зарождались и становились

со временем востребованными представления о глобальном характере мира техники и технологий. И если формирование образов технической реальности, обуславливающей и пронизывающей всё существование человека, определялось новым социальным статусом техники в XX столетии, особенно во второй его половине, то чем определялись ее глобальные параметры?

Новое понимание феномена техники подводило к тому, что мир техники и технологии – это и есть мир человека, его культура как в материальном, так и в духовном измерении. Однако речь идет не столько о всестороннем и всеобъемлющем, универсальном характере техники, который, безусловно, также сопрягается с ее глобальными параметрами. Подразумевается не столько расширение самого понятия техники и контекста ее анализа в условиях наглядной интеграции технико-технологических систем с жизнью человека. Важно другое: почему внимание специалистов всё больше приковывалось не к отдельной технике, не к отдельным технологиям, даже не к техническим системам или же производственной, региональной, национальной их совокупности, а к миру техники и технологии в качестве единой системы, единого целого планетарного масштаба? Целями исследования выступают ответы на поставленные вопросы. Эти ответы важны в силу, как минимум, того, что те социокультурные условия, которые определяли новые измерения технической действительности, задавали и их содержание, специфику их трактовки.

Однако социокультурные основания эволюции понимания технической действительности, оформление конкретных ее образов, специфика утверждения новых параметров ее осмысления, в конце концов, история самих представлений о глобальном мире техники и технологий долгое время редко беспокоили отечественных исследователей. И перед отечественным техноведением по-прежнему стоит задача углубления самопознания, напряжения рефлексии своих культурных корней, социальных детерминант, внутренних механизмов самополагания и саморазвития, целей, ценностей и норм собственной когнитивной активности. Обнадеживает растущий интерес к нюансам самого знания о технической действительности, динамике и специфике трансформации сопряженных с ним знаковых систем.

Методология

Трудно спорить с утверждением, что «важнейшим современным направлением в методологии истории техники является системный подход, предполагающий рассмотрение техники не как отдельного изолированного явления, а в качестве компоненты единой технической системы» [10, с. 80]. Собственно, те же принципы срабатывают и в отношении моделей репрезентации технической действительности, при анализе которых на первый план выступают приоритеты эпистемологии – знания о технической действительности, многообразии ее форм и значений с необходимым рядом социальных предпосылок создания и функционирования абстрактных структур знания. Однако по-прежнему различия между анализом технической действительности и анализом представлений о ней далеко не очевидны, а главное, редко принимаются во внимание.

Здесь неизбежно вспоминаются доводы о необходимости становления многомерного подхода, т. е. комплексного рассмотрения альтернативных теоретических построений, каждое из которых не претендует на абсолютную истинность и взаимодополняет изучаемую многомерную систему [11]. В анализе истории трансформаций представлений и образов мира техники и технологий недостаточно традиционного набора методов истории и философии техники. Как недостаточно будет их дополнить методологией, например, интеллектуальной истории с расхожим набором лингвистических, социально-психологических методов или методов семиотики. Нарботки последних лет в области неклассической эпистемологии и лингвистического анализа предполагают набор специфических установок (включая отказ от фундаментализма, от субъекто- и наукоцентризма) и методов исследования, которые вполне соотносимы с рассматриваемой проблематикой. Однако в рамках данной работы, первой в ряду работ, направленных на раскрытие специфики современного дискурса техники, используются преимущественно историко-описательный и историко-аналитический методы, позволяющие выделить материал для дальнейших исследований.

Результаты исследования

Уяснение причин переосмысления феномена техники и масштабов технической ак-

тивности невозможно без фиксации того обстоятельства, что на 1950–60-е гг. пришлось признание глобальных параметров социотехнических процессов – Вторая мировая война и послевоенное «холодное» мировое противостояние, всеохватывающий характер НТР и становление новых всемирных коммуникационных систем. То было время, когда общепланетарные масштабы общественно-экономических, военно-политических и технических трансформаций, покидая удел социальных утопий мирового преобразования, обрели черты наличной реальности, становились наглядны и очевидны. Распознававшиеся уже в текущем настоящем, а не только в сфере желаемого или отвергаемого будущего, глобальные процессы изначально задавали новые масштабы качественному переосмыслению технической действительности, наметившемуся в те годы. К ним обращались и с ними работали в изучении техники, как некогда работали с параметрами отраслей производства или же направлениями государственной политики. Общемировые масштабы технического праксиса играли существенную роль в теориях, прославляющих век технологий, и критике техницизма, в работах апологетов и оппонентов новоиндустриальных концепций, в идеях расширения и автономизация технических систем.

Утверждение представлений о технике как о глобальной техногенной среде немыслимо вне ситуации наглядных процессов глобализации, которые выступают необходимым основанием перспектив технико-технологического взаимопроникновения и единства. Глобализация и нарастающая технизация общества неразрывно взаимосвязаны и немыслимы одна без другой. Послевоенное ускорение интеграционных процессов было бы невозможно без соответствующих технологических новшеств, без совершенствования морских, железнодорожных и воздушных перевозок, международных коммуникационных сетей – телефонии, радио и телевидения, сети Интернет, образующих единое информационное пространство, не говоря уже о стандартизации разработки, внедрения, эксплуатации техники и унификации технологических процессов. С другой стороны, ускоряющаяся интеграция мирового пространства была важным условием переосмысления технико-технологических перспектив.

Интернационализация экономики, становление единой системы связи, ослабление государственного приоритета и усиление транснациональных негосударственных образований труднопредставимы без соответствующего технико-технологического фундамента и новых образов глобальной технико-технологической среды [12, с. 319–320]. Социально-экономические прогнозы и аналитика напрямую сопрягались с определенными тенденциями развития технических систем, которые, в свою очередь, распознавались в контексте конкретных вариантов международной политической, экономической и научно-технической иерархии. Пристрастность прогнозов технико-технологического развития очевидна, как очевидно и то, что используемые ныне базовые концепции, объясняющие закономерности и перспективы развития технической действительности, в той или иной степени отстаивают западный вариант совершенствования мира техники и технологий с соответствующими экономическими, политическими и мировоззренческими ценностями, за которыми и признавалось будущее [13, с. 232].

Футурологи, социологи и философы техники пусть далеко не всегда открыто, но неизбежно оказывались по ту или иную сторону баррикад, и аллюзии идеологического и военно-политического противостояния двух мировых систем – социализма и капитализма – проступали в их построениях довольно отчетливо. Западная социология техники и особенно футурология, т. е. те области научного и околонаучного пространства, которые и выступили изначальными проводниками широкого признания глобальных параметров мира техники и технологий, изначально были областями, идеологически довольно податливыми. И в жесткой конкуренции с социалистическим блоком выводы нередко оказывались своего рода ответом расширяющейся идеологической экспансии коммунизма, ответом на советский вариант понимания техники и ее роли в жизни общества.

Технико-технологические перспективы были не более чем умозрительным совершенствованием наличных инвариантов технического развития, с превращенными чуть ли не в объект естественного стремления человека ценностями демократии и экономической свободы. Эти, на первый взгляд, далекие от технико-

знания опорные константы идеалов, выступавших ключевыми альтернативами социалистическому «светлому будущему», придавали пристрастности общих техницистских и новоиндустриальных установок в описании тенденций технологического роста и формирующихся технических систем легко узнаваемый социально-политический привкус. Подавляющее большинство ключевых фигур послевоенного дискурса техники, т. е. тех исследователей, на построениях которых основывается современное понимание технической действительности (в России данный список легко воспроизвести, обратившись к обобщающим работам А.А. Воронина [14], Г.М. Тавризяна [15], В.М. Розина [16] или более ранним сборникам, таким как «Новая технократическая волна на Западе» [17] и др.), не относясь явно враждебно к коммунистическим режимам, но отмечая неэффективность созданных последними хозяйственных моделей, были уверены в историческом торжестве западного типа производства, политической организации и системы ценностей. Причем пристрастно выделяемым тенденциям технико-технологического развития также пристрастно задавался универсальный, всеобщий характер, а техногенные перспективы с новыми образами технической реальности виделись в глобальных общемировых масштабах. Каждая из противостоящих сторон усилиями «независимых» и «свободных» в выводах исследователей стремилась утвердить собственную универсальную модель (соответственно исключаящую иные модели) технического развития, отстоять ее универсальность и в перспективе глобальный характер.

Оформление новых масштабов технической действительности – сложный и далеко не однозначный процесс, подверженный многоаспектным влияниям социально-экономических и военно-политических коллизий, общественных настроений и идеологических пристрастий, царивших в интеллектуальном пространстве. Послевоенное техникосознание и без того лихорадило от характерного для тех лет алармизма, порожденного реалиями холодной войны. Ведь XX столетие с его революциями, войнами, кризисами принесло немало того, что могло омрачить и омрачало новый облик мира с техногенными доминантами, поэтому неудивительно, что по мере надвигающегося рубежа

тысячелетий обострялось осознание глубинных противоречий социокультурного развития. Но показательны опять же масштабы, в которых они принимались и рассматривались.

Конечно, общество по-прежнему сотрясали локальные военные конфликты, экономические неурядицы и беспокоили социальные вопросы регионального уровня. Однако специфической чертой второй половины XX в. стало то, что широкую общественность и широкие круги специалистов привлекли куда более общие противоречия и проблемы. Это не означает, что раньше их не существовало. Истоки проблем, которые принято называть глобальными (*лат. globus* – земной шар) проблемами современности, значительно глубже, но широкое признание их как глобальных началось в 1960–70-е гг. Принято считать, что глобальные проблемы, выступающие как комплекс социокультурных противоречий, от решения которых зависит судьба человечества и сохранение цивилизации, тесно взаимосвязаны, охватывают все стороны жизни людей, касаются всех стран мира. Для устранения этих проблем требуются объединенные усилия.

Оформление новых масштабов технической действительности неразрывно связано с формулировкой ключевых глобальных проблем современности. Казалось бы, последние должны были рождать сомнения в образах единого мира и глобальных перспективах технологического развития. Ведь отнюдь не служит аргументом в их пользу, к примеру, проблема «Север – Юг» – экономического разрыва, а соответственно и растущей технологической пропасти между развитыми странами и периферийными регионами [18, с. 19–20]. Однако на поверку ключевые проблемы современности уже в силу своего глобального характера только подтверждали самые смелые предположения о будущем техники.

Примечательно, что глобальность главных комплексов проблем второй половины XX в. (термоядерного вооружения, экологии, демографии и социально-экономического «разрыва») напрямую связана с характером технико-технологического развития человечества, и еще более примечательно, что разрешение их мыслится в первую очередь через дальнейшее совершенствование технологий. Это касается как факторов невозобновляемости природных ресурсов

и ограниченных рекреационных возможностей биосферы, так и разрыва между экономическим центром и отсталой периферией, нюансов здравоохранения [19]. Ведь разрешение видится в энергосберегающих и экологически безопасных технологиях, новых медицинских препаратах и международных системах контроля над технологическим ростом, в конечном итоге только в новой технике и новых технологиях. Всё так или иначе связано с техникой, и потому само наличие артикулированных глобальных проблем современности подтверждает правдоподобность если не планетарного технического единства, то как минимум глобальных технико-технологических процессов с не менее масштабными последствиями. И несмотря на довольно частое использование ключевых противоречий современности в качестве инвектив техногенной экспансии человека, на самом деле, они лишь подкрепляли и подкрепляют господствующие технократские установки.

В пользу технизма работали и механизмы «великого страха» тех лет. Собственно феномен страха вписан в природу человека, меняются лишь его формы, источники и сопутствующие факторы на протяжении социокультурной эволюции. Катастрофические потрясения прошлого столетия, превзошедшие все неурядицы, с которыми прежде сталкивалось человечество, должны были породить и породили новые, неизвестные ранее виды страха. А новые условия и возможности их распространения привели к слиянию фобий и формированию «великого страха», который отражал как наличный тогда спектр мнимых и реальных угроз, так и многообразии детерминированных ими состояний.

Накопление ядерного оружия и строительство атомных электростанций, техногенная экспансия и прогрессирующая деградация окружающей природы, резкий рост населения планеты и углубление международных, национальных, религиозных конфликтов... Перечислять источники массового страха можно было бы долго. Будучи в той или иной степени связаны с технико-технологическими трансформациями, актуализированные опасности и угрозы определяли своеобразную и очень характерную именно для второй половины XX в. алармистскую атмосферу осмысления техники и техногенных перспектив развития общества в свете «великого страха» – общей тревоги как

ожидания финальной трагической развязки. Нельзя сказать, что подобные настроения, даже связанные с техникой, уникальны и не фиксировались в иные исторические эпохи. Однако вслед за Второй мировой войной алармизм, по крайней мере в западных странах, приобрел подчас черты абсолютного эмпирического страха, обусловленного угрозой всеобщего уничтожения, тотального истребления человечества и всего живого. Заданные масштабы угрозы предопределяли и параметры ее источников, и параметры процессов, обуславливавших «великий страх» и подсказывавших размах техногенной экспансии.

Не без содействия манипулятивных идеологических практик обществом распознавались всё новые и новые доводы в пользу слов Ж.Б. Ламарка, заявившего в 1809 г., почти 200 лет тому назад, что можно, пожалуй, сказать, что предназначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для жизни. Так могло «иногда показаться» в начале XIX столетия редкому по своей пронизательности интеллектуалу. Во второй половине XX в. это ощущение отличалось постоянством, оно было распространено среди широких слоев населения. В то время как политические и экономические структуры настойчиво поддерживали озабоченность социальными, экологическими последствиями развития техники, ученые и публицисты буквально соревновались в «смелости» концепций культурного отставания, остроте тем технической дегуманизации и общего кризиса современного общества, а средства массовой информации только разжигали технофобию и страсти в живописании неизбежных техногенных коллизий. Список глобальных противоречий неуклонно расширялся, причем повсеместно доказывалось, что их игнорирование грозит человечеству неминуемой деградацией или гибелью. В сложившихся условиях оживление представлений о наступлении последнего «судного дня» выглядело вполне естественно.

Идеи нового техногенного апокалипсиса, изначально выраставшие на «ядерном» страхе оружия массового поражения и радиоактивных отходов, дополнялись разнородными химерами надвигающейся экологической катастрофы, сплетавшимися с уходящими в глубь веков

образами осквернения земли и разрушения естественного природного равновесия в мире. Конечно, большинство людей, как и прежде, связывало ощущение опасности с будничными проблемами и повседневными хлопотами, а не основывало его на опасении глобальных катастроф или международных конфликтов. Однако глобальный страх ассоциировался с уникальной в своем роде угрозой, более страшной, чем все остальные опасности, угрожающие человеку, более масштабной, чем всё то, с чем человечество сталкивалось в прошлом. И противопоставить технической угрозе можно было только новую технику, всё те же константы неотехницизма.

Исходная предпосылка современного техницистского дискурса, как раз и выступавшая одной из основ представлений о глобальном мире техники и технологий, заключается в том, что современный мир — это мир технический и что техника представляет собой систему средств, позволяющих решать основные цивилизационные проблемы и задачи, не исключая и тех, которые порождены самой техникой. Одним из расхожих сегодня следует признать убеждение в том, что, поскольку современное общество создано целиком техникой и для техники, разрешение любых затруднений и проблем зависит от количества затраченных технических средств, людских и денежных ресурсов. Как считает английский футуролог Д. Гейбор, «вред, порождаемый техникой, может быть компенсирован опять же техникой» [См.: 20, с. 98]. Сегодня любая конкретная лимитированная трудность неизбежно влечет адекватное техническое решение с сопутствующими достижениями в области науки и форм организации технического процесса, что в конечном итоге и формирует технически ориентированное сознание, сводящее любые затруднения и кризисные моменты к техническим проблемам. В идеологическом плане такое сознание, блокируя все формы мысли, угрожающие существованию технической реальности, утверждает себя на основе идей прогресса и стандартизации, непрерывного роста и ускорения. Наконец, такое сознание поддерживает самые далеко идущие перспективы технизации социума и всего мира.

Конечно, в исследованиях последнего времени не трудно обнаружить иные проекты преодоления кризиса современной техногенной цивилизации. Чаще всего встречается требова-

ние изменения приоритетов в шкале культурных ценностей, реализации гуманистических принципов управления обществом и воздействия на окружающую среду с утверждением экологической культуры. Между тем на фоне перманентного ускорения темпов технологического развития слова об изменении «философии жизни» и культурных приоритетах остаются лишь словами, причем словами с известной долей неоднозначности, как и идеалы гуманизации социальных и социоприродных отношений. Что может быть более человечески, чем сам человек, и с этой точки зрения вся его деятельность, какие бы формы она ни принимала, именно гуманна, так как преисполнена любви и заботы о себе, о человеке. Если же иметь в виду гуманизм в конкретно-историческом смысле, то господствовавшие на протяжении последних нескольких столетий социальные отношения выстраивались как раз на идеалах и заветах гуманизма, и вряд ли они были менее гуманистичны, чем современные идеалы. И вполне закономерно, хоть это иногда может показаться странным, что критика техногенной цивилизации в результате оказывается направлена на тот комплекс идей, который зиждется на заветах гуманизма.

Осуждаются, как правило, некие основы сверхрациональной европейской техногенной цивилизации с идеями ускорения развития природы, подъема ее на новый уровень, достижения ею организованности и гармоничности в угоду потребностям и нуждам человека [21]. Отечественные исследователи вслед за самобичеванием западных авторов и в согласии с общими традициями критики западноевропейской культуры склонны обвинять последнюю во всех грехах утилитарно-практического и технократического отношения к окружающей природе и миру в целом. Однако, как бы того ни желали отдельные критики во многом произвольно трактуемой западной цивилизации, новоевропейские установки рассмотрения мира в качестве безграничного поля для приложения сил человека не так уж уникальны, имеют глубокие корни в мировоззренческих платформах как иных культур, так и собственного прошлого. К тому же эти установки проникли глубоко в сознание современного человека, в том числе самих критиков.

Между тем компрометация некогда действительно доминирующих установок просле-

живалась в западноевропейской интеллектуальной традиции много раньше, а повальная их дискредитация и, как следствие, качественное изменение наметились уже в послевоенное время (к слову, отечественная техническая мысль работает сегодня именно в заданном тогда идейном регистре). В современной ситуации некогда привычная формула «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача» звучит откровенным анахронизмом. Человек, который полагался активным существом и которому вменялось в призвание преобразовать мир с помощью рационально организованной технической деятельности, ныне вызывает лишь бесконечные сомнения, как, впрочем, и правомерность подобных призваний. Провозглашение либо отстаивание человека в качестве венца творения, по воле и потребностям своим изменяющего окружающую природу, давно стало дурным тоном, тем, о чем открыто говорить не принято, тем, что в любом случае остается, но остается завуалировано, прикрыто бесконечными оговорками.

Несмотря на повсеместное ныне порицание прежних претензий человека на подчинение и преобразование мира в угоду своим желаниям и прихотям, несмотря на попытки утвердить новые идеалы гармонии человека и окружающей природы, идеи контроля и управления сохраняются. Как сохраняются гуманистические по своей сути интенции возвышения человека, ведь сколько они служили его оправданию, поддерживали уверенность в себе, тешили его амбиции и надежды. И всё же пафос и патетика гуманизма остались в прошлом, за ними уходят и сами формулировки противоборства, использования и преобразования природы. Человек уже не рисуется владыкой, началом, подчиняющим и преобразующим. За последние десятилетия как-то растеряла свою остроту и актуальность негативной реакции с принижением человека, рисующей его как нечто используемое и подчиняемое. Все эти категории власти и подчинения, контроля и преобразования изрядно обветшали и потеряли некогда присущее им обаяние.

Вслед за качественным усложнением картины мира с осознанием глубинных противоречий в самих социокультурных механизмах и представлениях о них нередко ставится другой вопрос — не столько о преобразовании природы

в интересах человека или же преобразовании самого человека согласно коренным законам природы, сколько о гармоничном сосуществовании, о коэволюции как панацее в разрешении ключевых проблем современности. Как раз подобные настроения воскрешают идеи о естественном человеке, о золотом веке в отношениях человека и природы с поисками путей реализации искомой их гармонии. То же можно сказать и о рационально-техницистских началах западноевропейской культуры, которые к тому же часто подаются в своем гипертрофированном варианте. Уже привычным стал тот факт, что выстраивавшаяся на рациональных основаниях, по рациональному проекту, рациональными средствами и опиравшаяся на не менее рациональную идеологию западная цивилизация привела к взрыву иррациональности и убеждению в неразумности техногенного общества в целом. Каждый отдельный ее фрагмент вполне рационален, объясним и без труда подводится под общие рациональные теории, но их совокупность и функционирование целого предстают подчас верхом иррациональности и неразумности. Осознание иррациональных начал социальной организации заодно с признанием стихийности социокультурных механизмов в прошлом столетии еще производило впечатление, но сегодня они тривиальны и мало кого способны удивить.

Результатом заданных в прошлом столетии глобальных параметров описания технической реальности можно считать то, что техника, сам человек и природа всё чаще полагаются лишь частью гораздо большего целого, как бы это целое ни представлялось — миром, универсумом, вселенной с соответствующими универсальными и далекими от человеческой рациональности механизмами эволюции. Правда, подобные идеи мало что меняют в реальной практике и тенденциях развития техники, ключевой вектор которого остается прежним — нарастающая технизация социума, пронизывающая все его сферы. Поскольку социальное развитие декларировалось как развитие, ориентированное на принципы количественного роста, т. е. принципы, ведущие к катастрофическим последствиям, и одновременно доказывалась неразрешимость глобальных проблем или же их решение откладывалось на неопределенное будущее, алармистский кризис только усиливался, до-

стигнув своего пика на рубеже тысячелетий. Однако далее «великий страх» заметно пошел на спад. Глобальные противоречия теряли свою остроту, к ним привыкали, они превращались со временем в нечто обыденное, обиходное, в рутинное содержательное поле общественных настроений и научных исследований, в частности того же техникознания.

В новом тысячелетии техническая мысль, несколько оправившись от технопессимизма прошлых десятилетий, вновь обратилась к частным и нередко более насущным вопросам, а заданные глобальные параметры ее восприятия оказались во власти новых интеграционных теорий и эволюционных концепций, в разной степени смягчающих противоречия техногенного развития возможностями естественного их разрешения. Хотя в отечественном техноведении, по крайней мере в тех его областях, которые сопряжены с анализом общих закономерностей и различными аспектами актуальных трансформаций технической действительности, экспансивность и темпераментность сохраняются вплоть до настоящего момента. Конечно, риторика и эсхатология с экспрессивной критикой техногенных начал современной цивилизации заметно поубавились в первое же десятилетие нового тысячелетия, но шлейф пристрастия и тенденциозности всё еще тянется за актуальными образами мира техники и технологий. Еще более устойчивыми в проблемном поле изучения техники оказались закрепленные XX столетием глобальные величины, которые обрели подспорье в глобалистском ракурсе восприятия социокультурных процессов. На это указывают и многие западные исследователи, рассматривающие глобализацию как определенную парадигму [См., например: 22].

Заключение

Каждое столетие получает в истории собственное имя, иногда даже и не одно. Как только ни называли XX век — «веком масс», «веком демократии», «техногенной эпохой», но какое название закрепится за ним в конечном счете, покажет будущее. Сегодня, в начале XXI в., ясно, что прошедшее столетие было временем нарастающей глобализации всех ключевых социокультурных процессов [23, с. 274]. Усиление внимания к осмыслению глобализации и возрастающая технизация общества тесно взаимо-

связаны, особенно в постсоветской России [24]. Ведь актуализация глобализации как международной проблемы и широкое внимание к ней отечественных исследователей ознаменовали 1980-е и особенно 1990-е гг., когда в российском техноведении утверждались новые параметры репрезентации технической действительности.

Современная интерпретация глобализации как всемирной экономической, политической, культурной интеграции и унификации, с втягиванием мирового хозяйства в единый мировой рынок может и не акцентировать внимание на технико-технологических составляющих этого процесса. Часто речь идет о растущем переплетении экономик на основе транснационализации и регионализации, формировании единой мировой сетевой рыночной экономики и ее инфраструктуры. Тот факт, что глобализационные процессы получают свое развитие благодаря качественным изменениям технико-технологического обеспечения социально-экономических и политических структур современного общества, подчас опускается как нечто очевидное и само собой разумеющееся.

В любом случае новые образы всеобъемлющего мира техники и технологий как некоей глобальной системы соответствуют порядкам «единого мира», и содержательно они очень близки, о чем нередко забывают те исследователи, которые оперируют глобальными параметрами как некими непреложными атрибутами технической действительности, тогда как эти новые параметры условны. Глобальные/всеохватывающие измерения технической реальности во многом обусловлены актуальностью тем общемировой интеграции, а главное, выступают всего лишь одним из вариантов репрезентации феномена техники. Как признание нового социотехнического состояния, так и прогнозы дальнейшего расширения и усложнения технической действительности, рождавшие образы единой, цельной и автономной технико-технологической системы, оказались возможны и востребованы только тогда, когда все ключевые процессы в жизни общества обрели в глазах современников общемировые параметры, в то время, которое можно было бы назвать эпохой глобальных величин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Рыбчак А.В.** Глобализация и техницизм: традиции анализа проблемы // Вестн. РХГА. 2011. Т. 2, вып. 2. С. 215–221.
2. **Agassi J.** Technology: Philosophical and Social Aspects. Boston: D. Reidel, 1985. 272 p.
3. **Fourastier J.** Machinisme et bienetre. Ideas majeures. P. Gonthier, 1966. 251 p.
4. **Эллюль Ж.** Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 134–141.
5. **Трубникова Н.В.** «Пространственный поворот» современной западной историографии: лики всемирной истории в эпоху глобализации // Соврем. исследования социальных проблем. 2012. № 9 (17). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.07.2017).
6. **Дергачёва Е.А.** Техногенность в глобализации социума и биосферы // Соврем. исследования социальных проблем. 2012. № 5 (13). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.07.2017).
7. **Кричевский С.В.** Эволюция технологий, «зеленое» развитие и основания общей теории технологий // Философия и космология. 2015. Вып. 14. С. 120–135.
8. **Аладышкин И.В.** О перспективных ориентирах исторической реконструкции технической реальности в России // Рос. социум: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014. С. 27–42.
9. **Дергачёва Е.А.** Социально-философский анализ глобализации // Соврем. исследования социальных проблем. 2012. № 1 (09). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.07.2017).
10. **Дятчин Н.И.** Современная методология техники // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2011. № 4-1. С. 78–83.
11. **Алтухов В.Л.** Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии) // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 92–99.
12. **Скобликов Р.В.** К вопросу о парадигмальном анализе глобализации как исторического процесса // Общество и право. 2015. № 1 (51). С. 318–321.
13. **Пензина Е.В.** Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестн. КрасГАУ (Красноярского гос. аграрного ун-та). 2012. № 8. С. 228–233.
14. **Воронин А.А.** Миф техники. М.: Наука, 2004. 200 с.
15. **Тавризян Г.М.** Философы XX века о технике и технической цивилизации. М.: РОССПЭН, 2009. 210 с.
16. **Розин В.М.** Техника и технология. От каменных орудий до Интернета и роботов. Йошкар-Ола: Поволжский гос. технол. ун-т, 2016. 280 с.

17. **Новая** технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. 453 с.

18. **Чащин В.Е.** Формирование представлений о глобальных проблемах современности в информационном обществе и источники спекуляций на этой теме // Вестн. Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1 (13). С. 18–25.

19. **Кетов Ю.А.** Перестройка представлений человечества о роли ноосферы в условиях разрастающейся технизации природы // Вестн. Пермского нац. исслед. полит. ун-та. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 2. С. 88–94.

20. **Рачков В.П.** Техника и ее роль в судьбах человечества. Свердловск: Упринформпечать, 1991. 328 с.

21. **Дергачёва Е.А.** Техногенная экономика – вектор искусственности процессов в социуме и биосфере // Современ. исследования социальных проблем. 2012. № 4 (12). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 01.07.2017).

22. **Robertson R.** Globality, Modernity and postmodernity // Globalization: social theory and global culture. SAGE Publ., 1992. Pp. 138–145.

23. **Понарина Н.Н.** Глобальные проблемы современности в контексте будущего // Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 274–276.

24. **Иоселиани А.Д.** Динамика развития техно-, социо- и инфосфер в современном глобальном мире // Гуманитарные науки. Вестн. финанс. ун-та. 2016. Т. 6, № 4 (24). С. 74–82.

АЛАДЫШКИН Иван Владимирович – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; aladyshkin_iv@spbstu.ru

САФОНОВА Алла Сергеевна – Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; safonova@spbstu.ru

Статья поступила в редакцию 4.07.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] A.V. Rybchak, [Globalization and technicalism: the tradition of analyzing the problem], Vestnik RKhGA, 2 (2) (2011) 215–221.

[2] J. Agassi, Technology: Philosophical and Social Aspects, D. Reidel, Boston, 1985.

[3] J. Fourastier, Machinisme et bienetre. Idees majeures, P. Gonthier, 1966.

[4] Zh. Ellyul, [Another revolution], in: Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade, Progress, Moscow, 1986.

[5] N.V. Trubnikova, [“Spatial turn” of modern Western historiography: Faces of the world history in the era of globalization], Sovremennyye issledovaniya sotsial’nykh problem, 9 (17) (2012). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 01.07.2017).

[6] Ye.A. Dergacheva, [Technogenic globalization of society and the biosphere], Sovremennyye issledovaniya sotsial’nykh problem, 5 (13) (2012). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 01.07.2017).

[7] S.V. Krichevskiy, [Evolution of technology, “green” development and the foundations of a general theory of technology], Filosofiya i kosmologiya, 14 (2015) 120–135.

[8] I.V. Aladyshkin, [About advanced landmarks of historical reconstruction of technological reality in Russia], in: Rossiyskiy sotsium: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye, Politekhnikheskiy univ. Publ., St. Petersburg, 2014.

[9] Ye.A. Dergacheva, [Social and philosophical analysis of globalization], Sovremennyye issledovaniya sotsial’nykh problem, 1 (09) (2012). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 01.07.2017).

[10] N.I. Dyatchin, [Modern methodology of technology], Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo univ., 4 (1) (2011) 78–83.

[11] V.L. Altukhov, [The change of paradigms and the formation of a new methodology (an attempt to review the discussion)], Obshchestvennyye nauki i sovremennost’, 1 (1993) 92–99.

[12] R.V. Skoblikov, [On the question of paradigmatic analysis of globalization as a historical process], Obshchestvo i pravo, 1 (51) (2015) 318–321.

[13] Ye.V. Penzina, [The phenomenon of globalization: globalization and westernization], Vestnik KrasGAU (Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo univ.), 8 (2012) 228–233.

[14] A.A. Voronin, Mif tekhniki [Myth of Technology], Nauka, Moscow, 2004.

[15] G.M. Tavrizyan, Filosofiy XX veka o tekhnike i tekhnicheskoy tsivilizatsii [Philosophers of the twentieth century on technology and technical civilization], ROSSPEN, Moscow, 2009.

[16] V.M. Rozin, Tekhnika i tekhnologiya. Ot kamennykh orudiy do Interneta i robotov [Engineering and technology. From stone tools to the Internet and robots], Povolzhskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii univ. Publ., Yoshkar-Ola, 2016.

[17] Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West], Progress, Moscow, 1986.

[18] V.Ye. Chashchin, [Formation of ideas about global issues of our time in the information society and the sources of speculation on this topic], Vestnik Permskogo univ. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya, 1 (13) (2013) 18–25.

[19] Yu.A. Ketov, [Restructuring concepts of mankind about the role of the noosphere in the conditions of an expanding mechanization of nature], Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politicheskogo univ. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo, 2 (2016) 88–94.

[20] V.P. Rachkov, Tekhnika i yeye rol' v sud'bachelovechestva [Technology and its role in the destinies of mankind], Uprinformpechat', Sverdlovsk, 1991.

[21] Ye.A. Dergacheva, [Technogenic economy as the vector of artificiality of processes in society and the biosphere], Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem, 4 (12) (2012). Available at: www.sisp.nkras.ru (accessed 01.07.2017).

[22] R. Robertson, Globality, Modernity and post-modernity, in: R. Robertson, Globalization: social theory and global culture, SAGE Publ., 1992, pp. 138–145.

[23] N.N. Ponarina, [Global problems of the present in the context of the future], Obshchestvo i pravo, 1 (38) (2012) 274–276.

[24] A.D. Ioseliani, [Dynamics of technological, social and infosphere development in the modern global world], Gumanitarnyye nauki. Vestnik finansovogo univ. 4 (24) (2016) 74–82.

ALADYSHKIN Ivan V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; aladyshkin_iv@spbstu.ru

SAFONOVA Alla S. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; safonova@spbstu.ru

Received 4.07.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017